

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-2-743-750>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГЕОРГИЯ ЧЕРНАВИНА

«ФИЛОСОФИЯ ТРОЛЛЯ: ФЕНОМЕН ПЛАТНЫХ БОТОВ»*

Москва: РИПОЛ классик, 2021.

ISBN 978-5-386-13894-3**

МИХАИЛ БЕЛОУСОВ

Кандидат философских наук, доцент.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

119571 Москва, Россия.

E-mail: mishabelous@gmail.com

Рецензия посвящена книге Георгия Чернавина «Философия тролля: феномен платных ботов». Кратко рассмотрено центральное понятие книги — встроенное мнение как мнение, за которым никого нет. Исходя из идеи встроенного мнения, Георгий Чернавин стремится раскрыть анонимный характер естественной установки и ее генерального тезиса — мир как действительность всегда есть. Естественная установка предстает установкой, которую никто никогда не принимал, но которая всегда уже приняла меня и благодаря этому сама собой разумеется без всякого моего участия. Анализируется двойственность фигуры интернет-тролля в книге Георгия Чернавина: с одной стороны, тролль — это тот, кто высказывает чужое готовое мнение от первого лица, и в этом смысле воплощает естественную установку, с другой стороны, он делает естественную установку профессиональной и таким образом невольно ее подрывает, так как посредством профессионализации полагает ее как установку, делая тем самым шаг к ее остранению. В то же время предложенная Георгием Чернавиным исследовательская стратегия проблематизируется в рецензии в нескольких отношениях. Это, прежде всего, практически полное сведение другого к анонимности, не оставляющее места для значимых других в структуре опыта. Подобно Хайдеггеру, Георгий Чернавин исходит из альтернативы «Я или никто (*das Man*)» (при всей проблематичности статуса «Я» и «своего» в книге), между тем как другой, как, собственно, другой *и* свои другие,

* Рецензия представляет собой полный текст выступления на презентации книги 09.02.2022 в кофейном пространстве «Нигде кроме».

** Рецензия написана при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 А «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

© MIKHAIL BELOUSOV, 2022

целиком остаются за кадром. Предпринята также попытка показать проблематичность той интерпретации вовлеченности и невовлеченности, которая развернута в книге. Вовлеченность раскрывается в книге только как источник забвения философских проблем, а все возможности философского осмысления связываются с невовлеченностью. Автор статьи пытается показать, что, напротив, невовлеченность в феноменологии является также залогом несамотождественности самости и, тем самым, условием возможности философской проблематизации, тогда как невовлеченность, как показывает пример троллей, может оказаться источником встроенных мнений. Наконец, рассмотрена возможность обращения ключевого аргумента книги против самой книги представителями других философских традиций.

Ключевые слова: тролль, мнение, феноменология, естественная установка, Гуссерль, другие, анонимность.

GEORGY CHERNAVIN

PHILOSOPHY OF THE TROLL. THE PHENOMENON OF PAID BOTS*

Moscow: RIPOL klassik, 2021.

ISBN 978-5-386-13894-3**

MIKHAIL BELOUSOV

PhD in Philosophy, Associate Professor.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

119571 Moscow, Russia.

E-mail: mishabelous@gmail.com

The review is devoted to Georgy Chernavin's book *Philosophy of the Troll. The Phenomenon of Paid Bots*. The central concept of the book—default opinion as an opinion that nobody is behind—is outlined. In the light of the idea of the default opinion Georgy Chernavin seeks to lay bare the anonymous character of the natural attitude and the general positing which belongs to it—"the" world is always there as an actuality. The natural attitude turns out to be the attitude that nobody has ever taken up, since it has always already taken me up and, thus, is taken for granted without my taking part in it. The review analyzes the ambiguity of the troll as interpreted in the book: on the one hand, the troll is the one who expresses someone else's opinion in the first person, and, in this way, embodies the natural attitude, on the other hand, the troll turns the natural attitude into the professional one, and, therefore, breaks it involuntarily, setting it down as an attitude, that is, moving toward its defamiliarization. Yet the review problematizes the research strategy Georgy Chernavin follows in some respects. In the first instance, this refers to the almost complete reduction of the other to the anonymity, which leaves no room for the meaningful others in the structure of experience. Like Heidegger, Georgy Chernavin relies on the alternative "Me or nobody (*das Man*)" (despite the problematical character of "me" and

* Review is the complete text of the talk delivered on the book presentation in the arthouse café "Nigde krome" 09.02.2022.

** The research was conducted with funding from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00842 A "Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions".

“my own” in the book), whereas the other in proper sense and one’s own others remain offscreen. I also try to show the problematical character of the interpretation of the involvement and the noninvolvement, represented in the book. The involvement is treated by Georgy Chernavin only as something that buries philosophical problems in oblivion, and all possibilities of philosophical understanding are attributed to the noninvolvement. I argue that, on the contrary, the involvement in phenomenology is also essential for the non-identity of the self and, thus, is the condition of the possibility of the philosophical problematization, whereas the noninvolvement, as exemplified by the trolls, can turn out to be the source of the default opinions too. In conclusion, I consider the possibility of turning the central argument of the book against the book itself by representatives of other philosophical traditions.

Keywords: troll, opinion, phenomenology, natural attitude, Husserl, others, anonymity.

Книга Георгия Чернавина, безусловно, событие в российской и мировой феноменологии. У раннего Хайдеггера событие (*Ereignis*) указывало на обретение собственности (*Eigentlichkeit*), своего рода переход от несобственного к собственному (Heidegger, 1999, 75) — именно этот переход, а точнее, его отсутствие ближайшим образом и большей частью и проблематизирует книга.

В «Теэтете» Платон ставит вопрос о том, возможно ли мнение, которое бы мнило ничто, и приходит к выводу, что мнение, которое мнило бы ничто, вообще бы ничего не мнило и, следовательно, не было бы мнением (Plato, 2007, 296). Георгий Чернавин ставит вопрос, возможно ли мнение, которое никто не мнит, и отвечает на него утвердительно: ближайшим образом и большей частью только такие мнения и образуют повседневный опыт мира (Chernavin, 2021, 16). Здесь уже не я мню мнение, а мнение мнит меня как мнящего мнение — своего рода карикатура на картезианское *cogito* как *cogito me cogitare*. Но если ближайшим образом и большей частью мы полностью вовлечены в мнение мнения (в подразумеваемое им «Я существую как мнящий»), то платный бот в книге Георгия Чернавина оказывается фигурой, достаточно парадоксальным образом сближаемой с феноменологическим «невовлеченным наблюдателем» в том отношении, что он присутствует в высказываемых им мнениях «не всем сердцем» (Chernavin, 2021, 8), и, таким образом, как бы играет роль кролика, следуя которому, мы попадаем в иное измерение. Он — тот демон, который демонстрирует живущего в нас вместо нас монстра — Чужого и его мнение, раскрывает феномен «недобросовестной веры» (Chernavin, 2021, 24), при которой мнение становится моим, пропустив становление, подобно тому, как Сократ становится ниже Теэтета, не меняя своего роста (Plato, 2007, 249). Платный бот делает естественную установку (автоматическое принятие чужого мнения как своего) профессиональной и тем самым, сам того не ведая, делает шаг к остранению (отвстроению) мнения, к нейтролизации тезиса «мир всегда есть».

Посредством профессионализации он, другими словами, полагает естественную установку как установку. Это — интересный, и, вне всякого сомнения, новаторский и продуктивный ход. Тем не менее, предложенную Георгием Чернавным исследовательскую стратегию я хотел бы проблематизировать в нескольких отношениях.

Во-первых, несмотря на оригинальное и весьма неожиданное для исследования по феноменологии обращение к феномену платных ботов, Георгий Чернавнин в значительной степени следует классической хайдеггеровской линии почти полной редукции Другого к анонимности, т.е. к *das Man*. Вообще, это любопытный способ дегуманизации других — держать их за людей (если пользоваться переводом *das Man*, предложенным В. В. Бибихиным) (Heidegger, 1997, 126). У Хайдеггера единственным отклонением от этой линии в «Бытии и времени» была попытка даже не описать, а, скорее, в немногих словах намекнуть на возможность собственного бытия с другими в историческом единстве народной судьбы (Heidegger, 1997, 384), но Георгий Чернавнин по понятным причинам (1933 год и то, что за ним последовало) отчасти с ужасом, отчасти со смехом отшатывается от этого поворота. Но в результате в книге мы вообще не встречаемся с Другим (Yampolskaya, 2021, 189–191), ее пространство сделано из узкого коридора между «своим» (статус которого остается проблематичным) и анонимным и заканчивается тайной комнатой, где гнездится монстр. Эта стратегия уже предопределена понятием встроенного мнения как мнения, за которым никого нет. Мнение здесь — чужое мнение, причем чужое не в том смысле, что оно является своим для некоторого другого (даже если я лишь воспроизвожу чужое мнение в этом смысле), а чужое как ничье. А так как, в конечном счете, и собственное мнение (то есть даже не пропустившее становление, а возникшее из внутреннего разговора) оказывается, как момент остановки мышления, анонимным, то, как кажется, наступает ночь анонимности, где все коровы черны (как сказано в «Феноменологии духа» (Hegel, 1987, 20)). Эта ночь освещается лишь слабым светом внутреннего разговора как тем становлением/расколом «Я», который и составляет феноменологически понятую самость. Но ведь и этот разговор ведется на языке, который не может быть моим, так что возникает подозрение, что вместо разговора во «мне» (в ком?) звучат лишь чужие (чьи?) голоса. Можно сказать, что это тотальная фабрика троллей, полностью совпадающая с действительным миром и тем самым снимающая различие между работой бота и его свободным временем, а также какую-либо иерархию в мире троллей (все всегда, без каких-либо перерывов, выполняют техзадание, хотя его никто не давал). Свободы нет, зато есть равенство и брат-

ство. По-видимому, таким образом само собой разумеющееся как самопонятность должно раскрыть свою двойственную природу: само собой (а не через другое) разумеющееся, т. е. самопонятность как то, что не нуждается во мне как в том другом, который бы его разумел, и, следовательно, разумеется никем или никем не разумеется, и самопонятность как понятность самого себя при том, что себя (меня) на самом деле нет. Проблема, однако, в том, что, согласно Георгию Чернавину, несуществование «меня» не избавляет от ответственности!

Во-вторых, в книге представлена, так сказать, только темная сторона вовлеченности как естественной установки с ее всегда уже встроенным тезисом «мир как действительность всегда существует». Однако тотальная «вовлеченность» как бегство от самого себя в мир является для феноменологии не только маскировкой «дыры в бытии», но в то же время и залогом несамотождественности самости, и, следовательно, самой этой дырой. Именно понимание сознания как чистого прорыва к миру, т. е. как интенциональности, позволило феноменологии взломать идентичность картезианского субъекта и бежать из плена нововременных эпистемологий. Я есть то, чем не являюсь, и не есть то, чем являюсь, именно потому, что я есть собственное чистое «вне себя», т. е. потому что я всегда уже есть в мире и полностью потерян для себя. Темпоральная (самость, являющаяся собственным будущим) и пространственная, или, лучше сказать, квазипространственная перспективы («я есть мое вне-себя» в мире) здесь смыкаются. Конечно, нужно различать прорыв к миру (бегство от себя) и продуктивное удвоение этой структуры — прорыв к миру как миру (бегство от этого бегства) (в сущности, если следовать гуссерлевским и хайдеггеровским описаниям, при всех их принципиальных различиях, это различие и есть различие между несобственным и собственным, анонимным и феноменологическим), но это различие лишь показывает двусмысленность вовлеченности, двусмысленность, оставшуюся в книге за кадром. Собственное в этом смысле не находится попросту вне анонимного, а является его границей (именно его границей), хотя в то же время такой, которая не является его частью. Граница же, как говорит еще Кант в «Пролегоменах» (Kant, 1994, 126), принадлежит двум мирам (тому, что внутри, и тому, что вне ее), или, скорее является чем-то вроде лезвия бритвы (но уже не Оккама), которая конституирует двусмысленность/двуприродность мира и самости и тем самым открывает «дыру в бытии». Собственное бытие не от мира сего требует опосредствования бытием от мира сего, оно может быть лишь бытием не от мира сего как вживание в мир и выживание из него, такое вот философское умирание. Жизнь бота и ботское познание, таким образом, можно, конечно, провозгласить игрой Олега Кашина

в контекстное домино, но эта идея опускается до назидательности и даже до пошлости, если недостает серьезности, страдания, терпения и работы нативной рекламы.

Возможно, именно потому, что Георгий Чернавин, вслед за Ги ван Керкховеном с его интерпретацией линии «Гуссерль — Финк — Ришир», не видит в вовлеченности в мир конститутивный момент самости (Chernavin, 2021, 93), он не тематизирует и «темную сторону» невовлеченности, обнаруживающую себя в работе платных комментаторов. Помещенные в конце книги интервью раскрывают абсолютную или, по крайней мере, относительную *политическую индифферентность* платных троллей как условие возможности их работы. Не достигаем ли мы здесь точки, где чистая невовлеченность как эпохе переходит в то, что Сартр считал невозможным — свободу от выбора, и, следовательно, свободу от свободы? Если я, подвешивая ситуацию (а самой фундаментальной ситуацией является существование в мире) и не реагируя на ее оклик, не занимаю позицию, то, как показывает работа бота, позиция *занимает меня*, другими словами, невовлеченность как попытка уклониться от фактичности ситуации и порождает эффект «встроенного мнения». Вообще, это проблема, заслуживающая отдельного исследования: феноменолог проблематизирует мирскую ситуацию как таковую, и именно поэтому она для него непроблематична (если я совершил эпохе в отношении бытия мира, я вывел из игры не какой-то ответ на вопрос «Есть ли мир?», а нейтрализовал сам вопрос и освободил себя от необходимости на него отвечать), тогда как естественная вовлеченность не проблематизирует ситуацию (неспособна выйти за ее пределы, поскольку даже не подозревает о существовании чего-либо вне ситуации), и именно поэтому ситуация для нее проблематична, т. е. она обречена на то, чтобы скрыто или явно отвечать на вопрос, который перед ней ставит ситуация, даже если такой ответ сводится с автоматическому воспроизведению встроенного мнения («мир всегда есть»). Таким образом, я могу заявить Другому (почему, видимо, в книге его и не оказалось), что не соучаствую в его ситуации, т. е. она не является моей ситуацией (не окликает меня, не находит у меня отклика), да и вообще не является чей-то ситуацией (ибо она на деле анонимна), а является ложной проблемой, порожденной слепой вовлеченностью. С этой точки зрения совершенно неважно, живем ли мы при демократии или авторитаризме, важно лишь не быть окликнутым идеологией, совершить политическое эпохе. Но странным образом человек, совершивший политическое эпохе (аполитичный, на обыденном языке, или, на феноменологическом, не соучаствующий в политической жизни), может ведь оказаться даже более уязвимым для идеологического оклика, неже-

ли «идеологически или политически ангажированный». Любопытно, что эпохе, к которому восходит идея «невовлеченности», является методической операцией, которая должна задним числом нейтрализовать свою первоначальную мотивацию. Если эпохе мотивировано модализируемостью опыта, и притом мирского опыта, то ведь как раз эта модализируемость больше не мотивирует нас после эпохе (поэтому, совершив эпохе, я не сомневаюсь в существовании мира (Husserl, 1976, 65), ведь если бы я, например, сомневался в существовании мира из-за его модализируемости, мной руководили бы мирские мотивы — интерес к бытию мира как вопрос о нем — просто мотивы, раздвоившиеся на противоборствующие группы). То есть я делаю эти мотивы темой исследования, но сами они, и, следовательно, модализируемость опыта, меня больше не мотивирует как феноменолога: я приостановил их действие, они меня буквально не приводят в движение. Но исходная мотивация, опять-таки, может породить подозрение, что и эпохе укоренено в вовлеченности в ситуацию, но при этом выходит за ее пределы как отчаяние перед лицом ее неразрешимости как принципиальной невозможности правильного выбора. И тогда, как у Гегеля, отчаяние (*Verzweiflung*), будучи более подлинной формой сомнения (*Zweifel*), нейтрализует естественную ситуацию в целом, а не дает какой-то естественный ответ на нее после некоторого сомнения (Hegel, 1987, 69). Как в том, так и в другом случае, однако, двоение мыслей (на что указывает *zwei* в обоих словах, что воспроизводится и в датской терминологической паре у Кьеркегора в связи с идеей дwoящихся мыслей) первоначально, хотя, пожалуй, и не исходно, укоренено в том вопросе, который ставит ситуация, т. е. в вовлеченности.

Наконец, мой последний контраргумент, или, точнее, даже не мой, связан с попыткой взглянуть на книгу Георгия Чернавина чужими глазами (исключительно в модусе *als ob*) с другого берега пролива или даже с другого берега океана иллюзий. В своих замечаниях в самой книге я попытался изобразить эту позицию в карикатурном виде (Belousov, 2021, 227–231), но известной серьезности вопроса это все-таки не отменяет: что, если философ, принадлежащий другой традиции, перевернет главный тезис книги и скажет, что вовсе не то, что анализируется в ней как «встроенные мнения», а как раз философское разубеждение в таких тривиальностях, как существование мира, всего лишь имитирует пропозициональную установку «я считаю, что», притом что разубеждение в разубеждении слишком велико, чтобы его можно было игнорировать иначе, нежели в модусе *als ob*. Проговаривание его от первого лица осуществляется исключительно в рабочее время (написание книги, участие в семинарах и т. п.) и является лишь социально значимым жестом в определенном сообществе,

а именно в сообществе феноменологов (в данном случае). Я веду себя так, как тролль, т. е. выполняя феноменологическое техзадание (его дал бригадир Гуссерль), имитирую подвешивание бытия мира (всячески показываю, что я его не полагаю, хотя мои действительные мотивы — мирские и связаны с определенными человеческими отношениями), в то время как честный философ научился не волноваться по этому поводу и полюбил — странную любовью — отчизну и бомбу, взорвавшуюся в мышлении Парменида.

REFERENCES

- Belousov, M. (2021). Doubt of the Troll and the Deceiving Bot Hypothesis. In G. Chernavin, *Philosophy of the Troll. The Phenomenon of Paid Bots* (213–231). Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian)
- Chernavin, G. (2021). *Philosophy of the Troll. The Phenomenon of Paid Bots*. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian)
- Hegel, G. W. F. (1987). *Phänomenologie des Geistes*. Stuttgart: Reclam.
- Heidegger, M. (1997). *Being and Time*. Rus. Ed. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (1999). *Zur Bestimmung der Philosophie* (GA 56/57). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Husserl, E. (1976). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie* (Hua III/1). Den Haag: Martinus Nijhoff.
- Kant, I. (1994). Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science. In I. Kant, *Collected Works in Eight Volumes. Vol. 4* (5–152). Rus. Ed. Moscow: Choro Publ. (In Russian)
- Plato (2007). Theaetetus. In Plato, *Collected Works in Four Volumes. Vol. 2* (229–327). Rus. Ed. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
- Yampolskaya, A. (2021). Objections to “Opinion of the Troll”. In G. Chernavin, *Philosophy of the Troll. The Phenomenon of the Paid Bots* (288–291). Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian)